

К 536

12

№

Крокодил

15

ИЗДАВО ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“ Москва. Май 1933 г.

ТЯЖЕЛАЯ СЛУЖБА

Рис. Ю. Ганфа (гома М. Глушкова)

— Каюсь, товарищи, всю жизнь имел связь с чуждым элементом!

ПОДКОВАННЫЙ

— По чьей-то марке и этой теории я подкован не плохо... Вот только не могу вспомнить, кто такой Антидоринг.

С некоторых пор Николай Антонович стал задумываться.

Конечно в состоянии задумчивости может оказаться каждый трудящийся: мало ли какие бывают у людей задачи и вопросы! Но дело в том, что именно Николаю-то Антоновичу это состояние никогда не было свойственно. Просто не привыкли мы видеть, чтоб Николай Антонович задумывался да еще публично. Не такой человек. Вот почему и удивились мы. И, конечно, начали строить предположения.

— Это болезнь у него начинается, — предположил наш завхоз, гражданин с несколько красноватым носом. — Уж я знаю, поверьте. Сейчас его, значит, потягивает, а через денька три он совсем захворает, запьет то-есть. Помяните тогда мое слово!

Но мы не поверили. Николай Антонович, правда, любил выпить в компании, но такие-то как раз и не впадают в запой.

И действительно, запивать он даже не подумал. Наоборот, как-то старательнее и аккуратнее стал относиться к работе. Раньше бывало небрежничал и заявлял, что «всех дел не переделаешь», а теперь вдруг словно бы подтянулся. Без энтузиазма, конечно, но все-таки.

Тогда было высказано такое предположение: — Надо думать, взрев ему был. И за манкирование и, возможно, за анекдотики. Вот он и призадумался.

Однако и эта догадка была нами отвергнута. Возможно, конечно, что взрев Николаю Антоновичу и был, но задумываться из-за подобного повода Николай Антонович не стал бы: взрев — не проблема и не событие.

— Тут причина серьезнее, — сообразил даже помзав отделом снабжения — человек неглубокий. Тут не проворовался ли он или растраты тут нет ли?.. В таких случаях нередко люди задумываются, уж я-то знаю!

Теоретически в этом предположении ничего невероятного не было. Но на практике и оно отпадало по той простой причине, что Николай Антонович ни с общественной ни с государственной денежной собственностью не имел никакого соприкосновения. Растрчивать ему было нечего, кроме своего собственного заработка, а таковая растрата законами, как известно, не преследуется.

Но над чем тогда он задумывается?

И вот, наконец, нас осенило:

— Влюбился!.. И без взаимности. В наше время это не частый случай, но ведь мы работали по методу исключения: все остальные возможные причины задумчивости Николая Антоновича категорически же отпали при самом поверхностном анализе!

Таким образом, искомым ключ был обнаружен. И на следующий же день мы через внутреннюю курьершу отправили Николаю Антоновичу записку:

„Не расстраивайся, она тебя любит!“
Правда, Николай Антонович ничем на наше послание не реагировал, но это обстоятельство скорее подкрепляло нашу догадку, чем противоречило ей. А когда он вдруг спросил у одного партийца, не найдется ли у него почитать чего-нибудь из политграмоты, то догадка превратилась в уверенность.

— Вот до чего дошло! — умиленно вздыхала наша старшая (по возрасту) машинистка. — Тяжелая личная драма заставляет Николая Антоновича переключить свой темперамент на общественную работу. По Фрейдю это называется сублимация. Но кто бы мог это подумать?..

Однако темперамент переключался плохо, и Николай Антонович продолжал время от времени задумываться.

Нам осталось только одно: приковать к этому печальному случаю внимание партийных товарищей. Мы подошли к тому, у которого Николай Антонович брал литературу, и заявили:

— Одной литературы мало. Вовлечь бы его, что ли, куда-нибудь. Видите, — задумывается!

Но партийный товарищ спокойно ответил:

— Как ему не задумываться?

Ведь чистка же!

— О чистке это вам задумываться, — сказали мы, — а ему-то что?

Но партийный товарищ возразил:

— Ну, все-таки и он тоже член партии...

— Николай Антонович... тоже член партии?!

Так мы и сели.

До чего ж здорово законспирировался товарищ! Вот бы ему в подпольные времена работать; под такого ни один шпик не подкапался бы!

ГРАМЕН

Прошлую чистку Семен Баррикадов прошел. Хотя и с сучком и задоринкой.

Сеня выступал беспрерывно и неукротимо. Он бичевал, разносил, хватал за жабры и волочил за своей победной ораторской колесницей всех своих недругов и недоброжелателей.

Сколько слез было пролито благодаря беспощадности Семена!

Сколько лишних графинов воды было выпито его жертвами!

Дело в том, что Баррикадов с юных лет отличался яростным трепачеством.

Неспособный ни к какому производительному-полезному труду Сеня чересчур свободно и показательно вращал своим полнокровным, румяным и отполированным язычком.

Язычище, конечно, только техническое вооружение, так сказать, агрегат. Главная же сила и мощь Сени была в продукции агрегата.

Баррикадов, попросту говоря, не стеснялся и не знал конфуза и зазрения совести. Говоря еще проще, он был нахальный демагог.

Брал он преимущественно на испуг. Сыпал цитатами из учебников, а главное, нацеплял странные ярлычки.

— Пантюхин — хороший хозяйственник, но, дорогие товарищи, продуктивность его деятельности в свете учения Гегеля, Фейербаха и Поля Лафарга есть не что иное, как делячество...

— Гаврилов — твердый администратор, но задайте ему несколько вопросов из Меринга, Плеханова, Бабефа, и вы увидите, что перед вами голый зажимщик и правый уклонист.

— Ванюков справляется с промфинпланом, но дома в свободное время играет на двухрядной гармонии. У Плеханова мы найдем целый ряд высказываний о мелкобуржуазном мещанском искусстве. Следовательно, у Ванюкова с его двухрядкой мы видим яркое проявление двурушничества.

Председатель комиссии по чистке неоднократно пробовал затыкать сенин фонтан, но это было не легко. Сеня тотчас же вопил о зажиме.

Распоясыванию Сени очень помогала созданная им группа горластых трепачей. Группа подерживала Баррикадова и заранее обсуждала список неугодных ей честных работников и служащих.

Чистка все-таки кончилась вполне благополучно. Получил причитающееся ему замечание и сам Сеня. И после чистки Сеня почел за благо дать стрекача.

Прошло три года. Баррикадов где-то носился по СССР со своим язычищем. До нас доходили тяжелые слухи о подвигах Сени.

В одном месте он погубил целое стадо коровьих душ. В другом — поставил всесоюзный рекорд окковитрательства В третьем — зазнал не туда, куда следует, импортное оборудование. Очевидно, фонтан красноречия был мало пригоден к практическому строительству социализма.

На-днях я встретил Сеню на улице. Прежний герой утратил свой победоносный вид.

Даже сорокалетний язычина ворочался у Сени с вялостью и переборами.

— Понимаешь, друг... Всюду расплодилось делячество... Какие-то коровы, базары, навоз, плотины, колесная мазь... Ничего не понимаю!

Я осторожно наемкнул на чистку.

— И с чисткой тоже какая-то нелепость. Я пробовал выступать, — смеются. Мало того, мне самому задали явно казуистический, придирчивый вопрос: „Почему подошли у меня коровы?“ А я почем знаю. Интриги, друг, интриги. Особенно печальна эта коровья демагогия...

И Баррикадов окончательно поник. Очевидно, тощие коровы вконец пожрали цветущего полноязычного Сению.

Мы лишились одного из славных героев нашего недавнего прошлого. Я говорю — мы, то есть фельетонисты. Но я не жалею. Проживем без него как-нибудь. Жаль только — не заспиртовали язычище Баррикадова. Экспонат был бы весьма любопытный и поучительный.

Б. САМСОНОВ

ЩЕДРИНУ

Дорогой, замечательнейший и огромный Гражданин Салтыков (псевдоним Н. Щедрина)! Разрешите мне искренне, честно и скромно Побеседовать с вами один-на-один.

Ленин — вождь и учитель пролетариата (Ему не было и девятнадцати лет,

Когда вы умерли), — так вот, Ленин когда-то Признавал, что нужнее писателя нет.

Он сказал, что в России несчетная пища Для сатиры, разящей врага на ходу...

Это было во время реакции, в тыща Девятьсот, — помню точно, — девятом году!

С той поры отгремела старья панихида, Новый строй на Руси укреплен и развит,

И общественно классовая пирамида, Так сказать, в надлежащий приведена вид!

И теперь, превращая над крепнущим краем Небылицу-мечту в каждодневную быль,

Мы отметим:

— Ваш Глупов стал неузнаваем!

Все другое — и люди, и зданья, и пыль. И не только наличие парков и клубов

И не только обилие новых машин, — Он нутром изменился, проплеванный Глупов,

Обратите внимание, товарищ Щедрина! И мы помним, подобное зданье построив,

Образ тех, кто расчистил для стройки места, А по части ломания древних устоев

Вы имеете незабываемый стаж! Вы для нас никакой не случайный попутчик

(Я за терминологию нашу стою), — Нет, как враг либералов зловонно-ползучих

Вы — союзник, имеющий место в строю!

Не сочтите, прошу вас, меня фантазером, Но я был бы счастливей вдвойне и втройне.

Если б вы беспристрастно-критическим взором Осмотрели, что сделано в нашей стране.

Вот пятьсот восемнадцать.

Вот тысяча сорок. За одной пятилеткой вторая взошла.

Но на стройке большой тот, кто классово зорок,

Непременно увидит и мусор и шлак. Это всем надоело? Пожалуй! Избито?

Точно так! Но нельзя же молчанье хранить: Есть не мало явлений советского быта,

Осененных эниграфом с ваших страниц. Например, бюрократ

Или, скажем, пролаза

Или рвач, собирающий экспортный блат, — Тут одна салтыковско-щедринская фраза Скажет больше, чем многочасовой доклад.

Налицо — помпадуры, —

меняется форма,

Содержанье из тех же казенных частиц, — Их частично лишают насущного корма,

Но частенько они пребывают в чести... И когда, преисполняясь сознания долга,

Помпадур осознал для зажима простор, Он впадает, как в море Каспийское Волга,

В этот самый в „административный восторг“. Вот каков помпадур, — с виду малость при-

тухший, —

Если ж дать ему волю, — завертится в прах.. А при нем — соответственная помпадурша

В заграничных чулочечках и джемперах! Я карась! Тот, который зубастую щуку

Уговарил вегетарьянкою стать, — Он придумал на-днях презабавную штуку:

Кулаку нашу стройку на откуп отдать. Тут сатирика мы поминаем недаром:

Он собрал бы всю силу и ненависть всю, Чтоб одним сокрушительно меткий ударом

Бить в два счета

по шуне и по карасю.

От ташкентцев следа не осталось ныне, Ваш Ташкент — в СССР достойные легенд,

Но зато в образованном, славном Берлине Черносотенный образовался Ташкент,

И ташкентцы идут на большую дорогу (На большую, большую — в значениях двух),

И как жертва германскому доброму богу Из еврейской перины возносится пух!

Ваши образы, мысли и речи знакомы, Все же круг их развития не завершен,

Потому-то, листая щедринские томы, Я двухцветным орудью карандашом:

Синим цветом я черкаю собственноручно Косность прежнего времени и темноту,

Ну, а красным, —

что нашему дню не созвучно,

Что живет, доживая в советском быту! Потому что не может Михайло Евграфыч

Уместиться в пределах музейных границ, Потому что недаром берут в эниграфы

Сотни строк из пропитанных гневом страниц

ПЕРЕГРУЖЕННЫЙ

— Ознакомьтесь с программой партии не мешая, конечно... Но ведь я же занят, я же руководящий работник, товарищи!

СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ

В бархатном переплете, тяжелый и толстый, как библия, он лежит, грозно поблескивая позолотой застежек. Семейный альбом! Хранитель кулацкого древа, начиная от старого дедовского кряжа и кончая зелеными побегами молодых кулачат.

Семейный альбом, дородный и сытый, как и собранные в нем предки, увенчивал благоденствие семейства Айрихов. Айрихи плодились почкованием, быстро разветвляясь в пышный букет. Вскоре уж целый хутор Айрихов был заложен на поволжском черноземе.

Двадцать пять лошадей, двенадцать верблюдов, пятнадцать коров, шестьдесят овец, три лобогрейки — вот база для процветания кулака.

Но вскоре подул ветер социалистического наступления. Куст затрещал, зашумел и вылетел с корнем.

Впрочем, кое-что уцелело. Уцелел один отросток по имени Федор Андреевич Айрих, а с ним уцелел и семейный альбом.

С альбомом под мышкой молодой Айрих втирается в партию. Правда, обошлись с ним там очень невежливо и вскоре выбросили вместе с альбомом. Но пока существуют на свете шляпы с партбилетами, — кулаку есть чем укрыться.

Таким прикрытием для Айриха оказался бывший секретарь партколлектива совхоза „Искра“ (Н.-В. край) Самойлов. Самойлов собственноручно изготавливает для Айриха учетную карточку члена ВКП(б), где в нескромном вопросе о социальном положении отчетливо пишет „батрак“. Новорожденный батрак быстро идет в гору, ловко балансируя новым званием. По лестнице карьеры он поднимается на должность председателя рабочкома „Искры“.

Вот тут-то пригодился ему семейный альбом! Не будь альбома, — как вспомнить всю многочисленную родню, всех друзей и знакомых, раскиданных по свету вихрем эпохи. И Айрих бросает призывный клич:

— Ко мне! Ко мне! Собирайтесь, обиженные раскулаченные. Приходите, ликвидированные, недобитые и уцелевшие! Где ты, Финк, муж сестры моей, со своими родичами? Где ты, Эрих, подруга детства и дочь уважаемого члена государственной думы? Где вы, полчище братьев, племянников, дядей и шуринов, чьи выцветшие фотографии еще хранят следы офицерских погон и медалей.

И они не заставили себя ждать. Опять разросся пышный кулацкий куст, но уже на новой почве. Дочка члена государственной думы нашла, что ей будет очень удобно произрастать на молочной ферме. Родной брат Айрих Карл пристроился помощником бригадира, другого братишку в порядке подготовки новых „кадров“ направили в ученики. Затем пошли двоюродные Айрихи: Андрей, Давид, Иван и т. д. Семейство шурина Финк пошло по конторской части и в кооперации. Бациллы Айриха проникли везде и всюду. Совхоз болел Айрихом. Он собрал всех родичей.

И они начали тихо и мирно вращаться в социализм. Вместо медалей и георгиевских крестов их груди пышно украсились значками ударников. При содействии „своего“ рабочкома получить их ничего не стоило, так как настоящие ударники — рабочие тракторной мастерской, комбайнеры, водители машин были зажаты профсоюзным руководством. Рабочий коллектив совхоза попал в тиски уравниловки. Зарплата всех трактористов, независимо от работы, составляла... 29 рублей в месяц.

Кулаки торжествовали. Семейный альбом пополнился новыми снимками растущего потомства.

И вдруг на самой последней странице альбом захлопнулся раз и навсегда. С пузатого, домашнего комода он перешел на строгий стол политотдела.

Конец. Конец!..

Подвели океанские предки!

П. МАЙСКИЙ

ОТСТАЛЫЙ ПАПАША

Рис. Л. Генча (тама М. Глушкова)

— Нет ли, Витя, среди твоих книжечек программы партии.
— Что ты, папа, мы это три года тому назад проходили.

ПРИМИТЕ И ПРОЧ

О КАРЛИКАХ И ВЕЛИКАНАХ

Германская печать приводит следующий отзыв министра пропаганды Геббельса о советской картине „Броненосец Потемкин“:

„Это поразительно сделанная фильмом и бесподобная по своему кинематографическому искусству. Отношение к этой картине находится в зависимости только от мировоззрения. Фильм так хорошо поставлен, что человек, который недостаточно крепок в своем мировоззрении, может стать большевиком. Это доказывает также, что выраженное тенденциозное произведение может быть так искусственно“.

Мы выражаем соболезнование г-ну Геббельсу. Если даже все лучшие мастера германского кино, в том числе и подозрительные по семитскому происхождению неожиданно воспламят любовью к национал-социализму, вряд ли доктор Геббельс сможет назвать фильму, которая заставляет рабочего стать национал-социалистом.

Мало иметь хороших режиссеров, г-н Геббельс. Нужны и высокие идеи. А у вас на этот счет не густо.

ЕЩЕ О ВЕЖЛИВОСТИ

Иностранные газеты сообщают:

„Опасаясь японского вторжения в Северный Китай, китайцы эвакуировали из Бейпина музейные ценности в Нанкин“.

Какая нетактичность! Перед самым приходом гостей убирать подальше ценные вещи.

СЛУЧАЙ В СЕНАТЕ

Простав американского сената Д. С. Берри поместил в журнале „Нью Аутлук“ статью, в которой пишет:

„В противоположность, быть может, и общепринятому мнению, в сенате и конгрессе не так уж много жуликов, т. е. самых настоящих взятчиков, или таких, которые готовы быть таковыми; не так уж много сенаторов и конгрессменов, которые продают свои голоса за деньги, а те немногие, которые имеются, всем хорошо известны“.

Когда разгневанный сенат потребовал объяснений от своего пристава, мистер Берри сказал:

„Я хотел защитить сенат от общераспространенного мнения, что в сенате сидят только жулики и взятчики... Я руководствовался исключительно желанием стать в защиту сената“.

Рьяный защитник сената был немедленно уволен. Но в результате этих решительных мероприятий сената, число жуликов и взятчиков уменьшилось только на 1 единицу...

Иллюстрации Л. Бродаты

ДАЛЬНЕЕ ПЛАВАНИЕ

(Фельетон-корреспонденция)

Точное, как в аптеке, расписание висело над кассой Херсонской пристани.

Пароход в Голую пристань отходит в таком-то часу.

Следующий пароход — через час.

Следующий — тоже через час. Через час еще следующий и т. д. вплоть до ночи.

Но прошло уже два часа. Парохода не было. Сتمнело.

Кассирша клевала носом в окошечке.

И когда я потревожил ее вопросом, скоро ли будет пароход, — она неторопливо ответила:

— Скоро!

— Уж очень вы скорый! — сказал позади меня гражданин в серой смушковой шапке, торчавшей Казбеком. — Вот вчера тоже так ждали. И не дождались...

Вскоре, т. е. через час, пришел пароход.

Он, пароход „Спартак“, задержался из-за погрузки не совсем обычного груза. Он доставил на херсонский берег две легковые машины неотъемлемую принадлежность двух прибывших с машинами товарищей.

Все были на своем месте. У рулей сидели шоферы.

Под брезентовым верхом — подруги товарищей.

— Ого! — сказали на берегу благодушные люди, — со своим примусом!

Началась погрузка.

На палубу потянулись с узлами и корзинками отдежурившие с шести до десяти люди, т. е. точнее пассажиры. Ибо вопреки писаной инструкции, что „не пассажир — для транспорта, а транспорт — для пассажира“, существует в закоулках и своя доморожденная, неписанная инструкция:

„Курица — не птица, пассажир — не человек“.

На местах это выглядит так:

Одесса-вокзал равняется по вокзалам Москвы. Херсонский порт — по Одесскому порту. Раздельная — по Тирасполю. Гомель — по Ленинграду. Черкассы — по Киеву и Кременчугу. Борисов — по Гомелю. Морской теплоход — по железнодорожному „Максиме“. Разъезд Свинский (есть такой) — по станции Затишье и т. д. и т. п.

На пароходе, когда размещались, я вновь вспомнил священную инструкцию „не пассажир — для транспорта, а транспорт — для пассажира“. Применительно к обстоятельствам я привел эту инструкцию в состояние равновесия: „не пассажир — для транспорта, но и транспорт здесь не для пассажира“.

Пассажиры вежливо подбадривали на мостках:

— Эй ты, дядя! Покажи билет!

— Эй, эй, пацаны! Давай назад, успеете...

— Тетка! Тебе говорят! Ты что, глухая?

— Эй ты, утильстарь! Бабку свою поддержи. Смотри рассыплется.

Пассажиры кряхтели и напирали.

На пароходе было „на выбор“ два отделения. В одном отделении стояла африканская, настоенная на машинном масле жара. Здесь пассажиры понемногу до исподнего раздевались и разувались. Потом, истекая седьмым потом, они перебирались в другое отделение. Там другие пассажиры, продуваемые сквозняком брезент вистящим ветром, ляскали зубами.

После тринадцати с лишним гудков все в „холодильном“ и „кипятельном“ отделениях облегченно сказали:

— Отваливает!

И действительно, „Спартак“ отвалил, но задним ходом. Он подошел к широкой и плоской, как рыба камбала, барже, взял ее на буксир и с бешеной скоростью трех метров в час шумно двинулся против течения.

— Теперь уж отвалили, — радовались на пароходе, — отвалить-то — отвалили. Когда-то еще привалим.

Черное полуночное, забрызганное звездами небо шаталось над нами и над огромным водным пространством между Херсоном и Голую пристанью. Над пространством в... восемнадцать километрах.

Л. МИТНИЦКИЙ

Херсон, Голая пристань

БЫТОВИК

— Антипартийные разговоры я вел не на партсобраниях, а только в бытовом обстановке. Не имейте права, товарищи, повторять в зале...

Рис. К. Елисеова (тема Л. Бродаты и М. Глушкова)

— Ну, разве можно все это за одну ночь прочитать!

ЛЕОНИД САЯНСКИЙ
ОПТИМИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

ЭТО ФАКТ

Ветры с грохотом перекатывались через хребет, срывая с него короткую шерсть кустарников. Пенные зайцы уныло скакали по штормовому черному горизонту. Битый лед — „чауш“ крутился под отвесными берегами. Шла зима.

За вольерами зоофермы тявкали, грызли и рылись лисицы. По буграм мячиками катались козули-сайгаки. Зверей караулили люди.

Шесть сторожей казаков круглые сутки пили дымный кок — чай под войлочной сферой кибитки.

В белом домике над обрывом зимовали трое: зав. фермой Билизнюк, зоотехник Вихляев и фельдшер Федя Малый, он же повар.

Верстах в трех, за мысом, жил в мазанке хромой маячник со своей круглмясой, обвешанной ожерельями и монетами жейой.

Три железные лапы маяка гудели и содрогались от страшных ударов ветра.

Длинные ночи, дни, похожие, как бараны в отаре, гром моря, ходуном ходившего кругом, и скучная пища утомили людей.

Быстро были рассказаны все анекдоты, истории, случаи из своей и слышанной жизни; говорить стало не о чем.

Через месяц все трое открыли друг в друге множество раздражающих мелочей.

Фельдшер невыносимо сопел за едой и звонко обсматывал рыбки кости.

Заведующий пел: „Моя жинка невеличка, ой, боже ж мий“; часто ни к селу ни к городу повторял: „Ох, мамо, мамо!“

Зоотехник мог часами ковырять в бледном золотушном ухе и выстукивать марш по пузырчатому стеклу окна. Еще:

От Малого дымом, жестью и ножным крепким духом. Заведующий пропах кислой овчиной от неснимаемого тулупчика. От зоотехника тянуло будто лисьей шерстью и какими-то каплями для плохо варившего желудка. Все чаще возникали глупейшие ссоры. Больше всех издевались над фельдшером за его сверхлюбительское радио, которое он никак не мог наладить. Малый убежал в пристройку; там хитро блестя латунь, никель и медь аппаратов; мигали пять серебристых ламп; оттяжки мачты свистели под ветром. Обрывки далеких музык, клочья фраз, порванных магнитными бурями и пространствами, случайно выпадали из взбудораженного эфира. Отчаявшийся любитель ловил на минутку то Аральск, то Муйнак, то Казалинск, но ни разу как следует не поймал желанной Москвы или хотя бы передаточной Самары. Нордвестовские циклоны возникали на мертвых барханах Усть-Урта и смерчами неслись через остров.

2

Заполняя прозрачное время, все трое подолгу писали. Заведующий фермой вел дневник. Мурлыча свою чортову „жинку“,

он записывал в толстой бухгалтерской книге поперек красных граф и дебетов: „... 21 октября. Ветер... баллов 7. Холодьюга. Все здоровы. Маячнику выдано муки пуд, сала полкурдюка. Наш остров замечательный. Ходил утром на Кара-Тюб, глядел белую глину. С нее наши кыргызы делают плошки, каганцы и макитры. Обжигают, и она аж звенит, как то стекло. Д крепкая — не пробьешь. За бухтой нашел еще красную глину. Жирная, пальцы красит. На нюх медью воняет, а на язык вроде бы г... Поскорей бы весна, повезу образцы в район, добыю рабочих у рика, копать стану. Может, таких глин во всем Союзе нема. Кирпичи тоже думаю. Хватит в мазанках жить, пора уже всем по-человечьи...“

Сунув книгу под комковатую пеструю подушку, Билизнюк одевался и часами бродил по своему замечательному острову. Усы его пушились по ветру. Лисы кувыркались за ржавой сеткой. Сайгаки пружинно сигали через саксаулины. У заведующего раздувались ноздри; он мечтательно гладил потертое дерево кобуры и вздыхал: „Эх, мамо!“ Отводя душу, палил в столб. Ветер срывал выстрелы с длинного дула. Звук гаснул мгновенно и тупо.

Фельдшер Федя по ночам опьянело дописывал трагедию: „Конец Дугова“ в восьми действиях, с музыкой, толпами и страшной пальбой. В октябре на последней странице поставил:

„Тут, конечно, всеобщий „Интернационал“. И чтоб пела вся публика“.

ШЛЯПА И

Рис. Н. Топикова (тема В. Лебедева-Кумача)

— Ведь каждый день с тобой встречаю тебя проглядел.

— А по-моему, парксизмом — ленинизмом пушай бес-партийные занятия... Наше дело — руководить, а не читать!

РАСЧЕТЛИВЫЙ

— Тратить деньги на литературу, тратить время на занятия... Э, нет! Лучше ж и на своих ошибках буду учиться!

„Автор я — Федор Малдой, старший фельдшер ветпункта № 3, Армор“.

„Старший“ написало нечаянно; младшего не было. Затем он три ночи сочинял письмо:

„... В Московский Госиздат, товарищу редактору... Я хоть много читал, чего попадалось, но писать еще не очень-то в курсе и надеюсь на вашу охоту помочь. Поимейте в виду, что я кончил четыре года и полтехникума, но театр люблю даже больше жизни. Еще поимейте в виду, что бы не сперли мою пьесу московские авторы. Это, я слышал, бывает. Я нарочно рассказал о трагедии всему промыслу Сарабасат, где дежурил, так что будет три сотни свидетелей, если кто задумается ее за свою подписать“.

Зоотехник, прячась за переборкой, сутулится и писал длинные письма ленинградской невесте, готовясь к первой июньской почте.

„... О, если бы ты только могла понять мою тоску по тебе, по нашим вечерним прогулкам, по нашей уютной комнате и зеленой лампе... Как я мечтаю о весне, о солнце и о тебе, о твоих бархатных лапках, о твоих...“.

Иногда не дописав письма, зоотехник прятал его под замок в чемодан, быстро, но густо ужинал и бежал на маяк. Он часами высиживал в мазанке маячника, глядел на его толстобедрую жену, жадно облизывал тонкие лиловые губы и все выжидал того

— Сказали, что грош мне цена как партийцу.. Интересно б, однако ж, выяснить: повышено это цен или снижено?..

— Что ж, ребята, вы меня подвели? О промфинплане за весь год ни разу не напомнили! А?!

часа, когда маячник полезет вверх заправлять огни.

Как-то маячник слез неожиданно и, взяв обломок багра, молча хлопнул голодного жениха по узкой спине. Зоотехник бежал, три дня тер спину и грызлся на шутки сожителей.

3

Дни были, как холодные капли на бритое темя. Ссоры сделались ежедневными. Затосковал и однажды вечером взорвался заведующий.

— Бесова дудка! — кричал он на Малдо, — ты не радиоловитель, а голода... Сволочь ты, сочинитель и самозванка!.. Я бы такого любителя в девятнадцатом зараз шлепнул! Шоб два месяца без связи людей не держал.

— Подумаешь! — ядовито ввязался зоотехник. — Расшлепался тоже! Не восемнадцатый годик-с! Таких шлепал на порог в зоопарк не пускают в Москве... Пра-ашу не орать! — истерически взвизгнул он. — Вы срываете научную работу! Вы... вы... пошлак и обжора! Да!

Фельдшер остервенело ругнул обоих, шлепнул трехом об пол и простоволосый швырнулся в двери, ударившись о косяк плечом. А двое долго и вздорно кричали, стучали кулаками по столешнице, оба обросшие, плохо мытые, красноглазые от всегдашней керосиновой и печной копоти.

Неожиданно дверь отскочила и грохнула.

— Есссь! — рявкнул Малдой, кидаясь с порога к запыленному репродуктору. Он крутнул что-то раз, другой; из дырки матово черного рупора выпала странно близкая, гулкая фраза:

„... третья колонна выходит со сборного пункта в 9.30 утра, направляясь

по...“ Рупор каркнул, хлестко кашлянул и снова сказал:

„... пятая колонна от Замрайсовета проходит по Кремлевской набережной в...“ Крах!

Черные пальцы Малого прыгали сбоку ящичка, шаря стрелки и винтики.

— Сука! — с тихой мольбой произнес побледневший Билизюк и вытянул шею. — Не крути ж, не перебивай..

Голос в рупоре пополнил и приблизился: „Общее наблюдение за порядком на демонстрации возлагается на начальников колонн и районных распорядителей.

Линейных от всех частей выслать на Красную площадь завтра, седьмого сего ноября, с шести утра“.

Билизюк тихо сказал: „Ма-амол и крепко ударил себя по кубанке.

Все трое сконфуженно глядели друг на друга. Заведующий шумно вздохнул и обернулся:

— Миколай Семеныч, а что, дружок, чи нема у вас острого ножичка?

— Найду, сейчас найду, Киришаль. — прошептал зоотехник и на цыпочках подошел к Малдму.

— Федя, друг. У тебя камбуз топится? Кипяточку бы...

Фельдшер кивнул и, счастливо улыбаясь, закрепил волну. В рупор, посыпаясь каскад клавишей. Приглушенная тремя тысячами километров заиграла прекрасная музыка. Лампа вспыхнула ярче.

И все трое молча сели бриться.

ИСКРЕННИЙ

— Правда, я был троцкистом, но почему? Потому что думал, что троцкисты победят. А взглядов ихних я никогда в жизни не разделял!

КУЛАК

... а меня вычистили за то, что я

Рис. Л. Генча (тема Я. Бельского)

— В прошлую чистку у тебя пять лет стажа срезали. А что если опять?
— Ну, что ж, буду должен партии три года. Разве нельзя?

В РОЛИ ВЕРБЛЮДА

Светило солнце. День был прозрачен и приятен. Шел весенний сев в совхозе „Гигант“. По шоссе, мягко скрипя шинами, мчались автомобили.

На одной из таких машин сидел с женой, сыном и вещами учитель Кашинский, переброшенный из усадьбы в одно из отделений „Гиганта“ для преподавания в совхоз-уче.

Неожиданно вышел какой-то человек.

Присмотревшись к машине, человек замахал руками, стал поперек дороги и зычно закричал:

— Это что такое? Слазы! Скидавай вещи!

— Какие вещи? — удивился учитель, — это ж мои вещи, товарищ.

— Скидавай! — еще свирепее заорал человек, — шкаф скидавай! Бак скидавай! Это коммунхозовы вещи. Знаем мы вас!.

На помощь к страшному незнакомцу явились два гражданина и начали сбрасывать вещи педагога на шоссе.

— Я вас научу, как воровать! — с удовлетворением закончил разгром незнакомец. — Я вас знаю. Воры вы все!

На другой день посрамленный учитель явился в комхоз. Таинственный незнакомец, оказавшийся завкомхозом Любомищенко, восседал неподвижно, как статуя Будды.

— Послушайте, — начал учитель, — что вы делаете, товарищ. Ведь эти вещи находятся у меня уже 6 лет. Задолго до основания совхоза. Я их купил в 1927 году в Ростове, в магазине.

— Ага в Ростове, — иронически прищурилась статуя Будды. — В таком случае позвольте расписку из магазина, где купили.

Учитель попробовал прибегнуть к элементарной логике:

— Кто же берет расписку на такие вещи? Ведь так вы у меня и

на штаны можете расписку потребовать, сказав, что они принадлежат тоже комхозу.

— И штаны сниму, — пригрозил Любомищенко.

Тогда педагог начал пред'являть документы и доказывать, что он не верблюд. Он ходил по знакомым учителям и собирал справки, что бак и шкаф с сотворения совхоза и ранее принадлежали Кашинскому. Он принес справку от командатуры комхоза, что никаких шкафов и баков комхоз учителю не давал, а все полученное им от комхоза возвратил своевременно.

Но непреклонный Любомищенко был тверд, как доисторический кремль.

Напрасно учитель доказывал, что вообще он, учитель, едет не на рыськи Амундсена на Северный полюс, а в отделение совхоза, за 12 километров, что, собственно говоря, даже в худшем случае ничего не изменится от перестановки вещей.

Непреклонный Любомищенко не шел на компромисс и твердил:

— Расписку из магазина.

На четвертый день педагог пошел к прокурору.

Прокурор выслушал историю и тут же написал:

„Прекратите безобразие. Отдать вещи владельцу и обеспечить немедленный переезд Кашинского к месту работы“.

Тут впервые доисторический Любомищенко дрогнул. На челе его высоком отразились некоторые проблески мышления. Но вскоре он оправился и радостно воскликнул:

— А печать? Где печать на записке прокурора? Ага! Печать где? Знаем мы вас!

Когда педагог вернулся снова от прокурора с печатью, Любомищенко приятным баритоном сказал:

— Ну, вот теперь все в порядке. Лицо его расплылось в улыбку сладкую, как малиновое варенье, он сделал приветственный знак рукой педагогу и добавил:

— Счастливого пути. Можете продолжать вашу поездку.

„Крокодил“ больно колет своими вилами не только на ограниченной площади журнала. Мы следим, чтобы ущемленные вилами „клиенты“ „Крокодила“ надолго сохраняли светлую память об этом контакте, об всеми вытекающими из этого „контакта“ последствиями. О результатах ударов вил и фельетонов мы будем регулярно сообщать своим читателям.

НЕУДАЧНЫЙ ОБХОД

За самотверженное бездельничанье и отсутствие надзора за порученным делом Уральская облРКИ, по сообщению „Крокодила“, предложила снять с работы нач. производственного сектора Уральского союзтранса Дубова. Зам. директора Иштутинов Дубова снял, но тут же назначил его на другую должность — нач. сектора проверки исполнения, премировав за заслуги „путевкой и отпуском“. По вторичному сообщению „Крокодила“ сердобольный Иштутинов получил выговор, а Дубова сняли всерьез и надолго.

В СУДЬИ НЕ ГОДИТСЯ

Сталинградский нарсудья 1-го участка Лукашин разнообразил скуку судебных заседаний веселыми скандалами со стрельбой, кутежами, избиением граждан и прочими видами хулиганства.

Зацеплен вилой. С работы снят и предан суду.

ИСПАНСКИЕ СТРАСТИ

Пред. колхоза „Оборона страны“, Тербунского района, Серов воспылил нежными чувствами к кулачке Плоховой. Эти чувства нельзя было охладить даже после того, как Плохова похитила 17 копен зерна. Остыли эти испанские страсти только после вмешательства „Крокодила“, добившегося исключения из колхоза и предания суду кулачки и снятия нежного преда.

ПОД РАЗВЕСИ С ТОЙ ШЛЯПОЙ

ВОРОНА И УЧЕТ

Интересную картинку можно наблюдать на 1-м отделении совхоза „Гигант“. Ходит по пашне учетчик Гринько и вытывает в пашню соломинки. Это у него собственная система рационализированного учета работы трактористов.

А за Гринько, крайне заинтересованная новыми веяниями в области постановки учета, летает ворона, вытаскивает эти соломинки и тащит их в гнездо.

Посмотрит Гринько на исчезнувшие соломинки, плюнет в дырку и опять новую соломинку воткнет.

Ворона каркнет и снова вытаскает соломинку.

Так целый день и идут соревнования между этими неутомимыми тружениками. А вечером в бухгалтерии — бедлам и кавардак. Гринько, растерявший соломинки, чешет затылок и пишет трактористам трудодни с потолка.

Необходимо попробовать сделать переименование: ворону назначить учетчиком,

а Гринько переименовать в ворону.

РАЗНЫЕ МНЕНИЯ

Как трудно добиться взаимного понимания! Спросите, например, хозяйственников 13-го отделения „Гиганта“ о 9 коровах, имеющихся на отделениях.

— Какие это коровы, — вздохнет администрация. — Разве это коровы. Разве это удои? Простые рабочие коровки дают по 10 литров молока в день, а эти, немецкой породы, — по 5 литров в день едва капают. Фашистки, а не коровы! Саботажницы!

В то же время коровы отыщутся совершенно иначе.

— Му! — мычат коровы. — Саботаж! Какие это администраторы? Разве так держат приличных коров? Навоз не убирается, помещения грязные, ветеринар не бывает. Таким и по одному литру не стоит давать.

Кто же тут саботажник? Мудрый Эдип, разбери, как писали когда-то в провинциальных ведомостях.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВСПАШКА

Полевод Дудчак с пригородного хозяйства „Гиганта“ в душе настоящий художник, вроде Айвазовского или там, скажем, Верещагина.

Обыкновенная вспашка по инструкции художественную натуру Дудчака никак не удовлетворяет.

Вот почему, когда пахали 20 га пригородного хозяйства, в самой середине участка оставили невспаханными 4 га. Получилась интересная картина. Кругом полосы, а в середине — черная дыра. Приятная картина радует художественный вкус.

Основательно полюбившись на это произведение искусства, его все-таки ликвидировали, а именно забороновали, но без вспашки.

Интересно, что может вырасти на таком образом подготовленной земле? В лучшем случае — судебный процесс.

НЕМНОЖКО АРИФМЕТИКИ

(Задача для совхозного юношества)

В племсовхозе Б есть: свиньи, лошади, куры, коровы, директор, замы и пр. С наступлением весны и в течение всего лета в совхоз Б приезжают гости.

К директору — брат жены Миша и тетин дядя Гриша, оба с женами и с 6 ребятами (10 человек).

К пяти замам приезжают „подышать“ в отпуск: престарелые предки, замужние сестры, племяши, кумовья и просто добрые знакомые, в среднем по 3 души на зама, итого $5 \times 3 = 15$ человек.

К ветврачу — кузина с двумя мужьями (3).

К зоотехнику — бабка и бывшая нянька (2).

К бухгалтерам — 3 невесты и 2 племянника (5).

К культурнику — супруга с первенцем ($1\frac{1}{2}$ чел.). Кроме того, приезжают представители из областного, окружного и районного „центров“ и трое командированных для „содействия племенной кампании“ (6).

Затем от 5 редакций (5 душ). Итого $47\frac{1}{2}$ душ.

Все они восхищаются ширью полей, наслаждаются воздухом. К сожалению, кроме воздуха, все потребляют еще молоко, мясо, сало и масло, курей и утей и пр. совхозные витамины (Vitamins gratis — bezplatits), любезно предоставляемые хозяевами.

Требуется решить:

1. Сколько совхозных продуктов полопают дорогие гости.

2. Что это: совхоз или дядино подмосковное „Мон-Репо“?

В виду приближения тепла и для спасения совхозов от летних родственников необходим срочный ответ от соответствующих органов.

* * *

Постскриптум:

Желая сделать задачу более жизненной, автор использовал грустные данные из жизни некоторых совхозов Северного Кавказа, пострадавших от засилья завоз, замов и родственников.

БЕН-ГАЛИ

МАРКНИСТ

— Я всего Маркниста-зубек знаю... И нигде у него не сказано, что нужно выполнять промфинплан.

рис. Л. Бродаты (тема М. Глушкова)

Обеды в буфетах Курской дороги изготовляются из недоброкачественных продуктов.

И ТАК ЯСНО

О КУРАХ, КУРУПРЕ И КУРСТРОЕ

Вы знаете, что такое Абастуман?

Абастуман—это горы, затканые туманами, это — целительный воздух, это... сплошная поэзия.

Но низменным жителям высокогорного курорта мало всех этих прелестей, щедро разбросанных природой.

Им, видите ли, не нравится, что главным занятием абастуманской милиции является ловля беспризорных кур на территории курорта „в целях санитарии“?!

Кроме Курупра (не следует думать, что это управление по ловле кур), есть еще в Абастумане и Курстрой (не следует, однако, думать, что это управление по строительству корорта).

Это — скорее управление по строительству курятников. Вместо санаториев он, изволите ли видеть, пока построил унылые бараки. Вы хотите знать, чем еще недовольны эти жители?

Они, понимаете ли, затыкают нос при самом в'езде в свой родной город. По мудрому распоряжению Курупра именно там организовано центральное свалочное место.

Если такие порядки в славном городе Абастумане продержатся долго, то в курортные справочники, очевидно, придется внести поправки: и насчет целительного воздуха, и насчет пейзажей, и насчет поэзии, и насчет состава дирекции Курупра.

САПОГИ ВСМЯТКУ

Как вам понравится такая служебная записка? А если не понравится, то почему? „УПРАВЛЯЮЩЕМУ ТРЕСТА ГРАЖДАНСТРОЙ

Прошу вашего распоряжения Начальнику 1-ой Строительной конторы отпустить за наличный расчет для ремонта квартиры: 16 кило мела, 1 кило клея, 1 кило купороса, 1 кухонный стол, прорезиновый плащ и 1 пару сапог. 28/III МИНАЕР.

Москва, учгородок им. Тимирязева“.

И на подлинном резолюция „отпустить“.

Несмотря на то, что „прорезиновый“ плащ тов. Минаеву выдан, ему сухим из воды не выйти...

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА

Издательство соцэкза преподало гражданам СССР новгородный подарок в виде отрывного календаря на 1933 г. Издательство „Светоч“ тоже обрадовало нас настольным календарем на тот же 1933 год.

В обоих календарях масса разнообразия.

Так, по отрывному календарю М. Горький родился 26 марта 1869 г., а по настольному — 31 марта 1868 года.

По отрывному календарю 16 января открылась XIII партконференция, а по настольному — XII.

Читатель остается в тяжелом недоумении: то ли настольному календарю место под столом, то ли у отрывного календаря надо сразу оторвать все листочки и выбросить?!

— Как бы из-за этих битков драться не начал? — Ничего. Тошнить его начнет в Орле, а жаловаться он сможет только в Курске.

ЗАГАДОЧНАЯ ИСТОРИЯ

Фамилия у него была лаконичная и почти нерусская — Братт, внешность какая-то доисторическая: огромная лохматая голова и борода, походя на рододендровый лес. Был он долговяз, длиннорук и угрюм.

Когда-то Братт служил в некоем статистическом учреждении, шумном и хлопотливом, несмотря на свою сравнительно эпическую деятельность. Служил статистиком, но был изгнан за пьянство. Однако он не обиделся и не порвал отношений со своим учреждением: после увольнения он часто заменял болеющих сотрудников. Зав. личным столом этого учреждения Мусин-Душкин почему-то уверен был, что лохматый статистик — массон в душе, и так как ему нравилось все несовременное, то он с величайшей готовностью усаживал Братта за первый попавший временно осиротевший стол.

Как-то зимой выдался такой удачный для сотрудников статистического учреждения месяц, когда никто из них не заболел. Братта стали, было, уже забывать. Но однажды по учреждению пронесся слух, что кто-то из сотрудников опасно заболел и находится при смерти. Кто именно заболел, никто толком не знал, но все с беспокойством ждали появления сумрачной фигуры Братта.

Бывший статистик появился в этом учреждении на следующий же день. Увидев его, Мусин-Душкин ужаснулся. Братт приблизился к нему, пошатываясь и широко растопырив руки.

— Где... больные?.. — тяжело переводя дыхание, спросил он, добравшись до стола Мусина-Душкина.

Зав. личным столом засуетился и, сбегав в соседнюю комнату, вернулся оттуда через минуту:

— Пожалуйста, — сказал он и жестом пригласил Братта в соседнюю комнату.

Это была пустая комната, в ней никто не занимался по причине ветхости полов. Здесь стоял посреди комнаты маленький столик изпод пишущей машинки.

— Вот здесь. Присаживайтесь, — указал Мусин-Душкин на столик и поспешил уйти.

Мусин-Душкин почти весь этот день потом бегал по отделам и рылся в ведомостях, но так и не мог отыскать, кто именно заболел в статистическом учреждении.

Три дня являлся Братт в пустую комнату с маленьким столиком, три дня почти ползком приползал он в статистическое учреждение, раскачиваясь из стороны в сторону, дико вра-

щая воспаленными глазами и наводя ужас на сотрудников. И только к концу третьего дня Мусин-Душкин, наконец, поборов робость, спросил начальника сектора Внепланового планирования Марка Марковича Маркграффа:

— Марк Маркич, простите ради бога, вы как-то изволили сообщить мне, что в вашем секторе заболел один из сотрудников и чтобы я пригласил на его место Братта.

— Ну да, был такой разговор. А что? — спросил начсектора и вопросительно поглядел на Мусина-Душкина.

— Так вот мы не можем отыскать болящего. Неясно то-есть, кто именно заболел. А Братт у нас уже третий день работает. Может, вы припомните?...

— М-м... кто же мне сказал, в самом деле? — задумался Марк Маркович Маркграфф.— Тигрейко? Нет. Кочубейко? Нет. Хотя, позвольте, как фамилия нашего гардеробщика?

— Убейко, — доложил Мусин-Душкин. — Вот вот! Убейко. Как будто он. Только про кого, убей меня, не помню...

Мусин-Душкин мигом скатился вниз и учинил допрос гардеробщику:

— Говорил ты Маркграффу про каких-то больных?

— Говорил, — сознался Убейко.

— Про кого? — строго спросил зав. личным столом.

— Да про этого, нашего лохматого. Как его? Брат или сват, что ли? Так, мол, и так, говорю, наверно, богу душу отдаст наш лохматый. Дюже больной.

Мусин-Душкин в глубоком раздумье отошел от него. Он поднялся наверх и вошел в комнату, где сидел Братт. Тот поднял на него свои глаза, и Мусин-Душкин заметил в них какую-то искорку жизни. На лице у Братта не было уже ужасного кирпичного румянца, и он не качался, как парходная мачта в непогоду.

— Я пришел сообщить вам, что больной сотрудник, которого вы замещали, уже выздоровел, — сказал Мусин-Душкин и печально склонил голову набок.

Бывший статистик ушел и не появлялся несколько дней, пока ему не сообщили, что карточник Хрусталева-Косарь заболел ишиасом.

Кого он тогда заменял, сидя в пустой комнате, сотрудники статистического учреждения так и не узнали.

Г. ГРЕБНЕВ

Не думайте, пожалуйста, что председельсчета Серенко отстает на культурфронте! Это именно он своевременно принял меры для застекления сельского клуба и попросил стекло у правления племхоза „Октябрь“ (Лискинский район, ЦЧО).

Племхоз и рад бы дать стекла, но у него не было этого дефицитного материала, и он чистосердечно сознался в этом.

Тогда раз'ярившийся Серенко категорически запретил сотрудникам племхоза ходить в клуб и красный уголок.

Товарищи клубники, когда будете застеклять клуб, не забудьте про Серенку, его давно пора — под стекло!

ПОЧЕТНОЕ МЕСТО

Чистота, как говорится, — залог здоровья. Однако на этот раз сильно nepоздоровилось сотрудникам общего отдела Ингушского лесопромхоза.

Проводивший кампанию чистоты предгорсовет Харченко бурей ворвался в отдел, грозно указав на окурки посетителей, которые уборщица не успевает выметать, и зарычал:

— Вы знаете, что такое культура?

И незамедлительно разъяснил значение этого слова в разных многоэтажных выражениях.

Затем тов. Харченко обрушился на... шляпу бухгалтера Хоменко, обругал ее душой и, пылая гневом, убежал на галлерею...

Здесь ему и место: в галлерее головотяпов!

СКРОМНЫЙ ИНТЕРЕС

В постановлении об агроминимуме Теплостанского района, Горьковского края, от 5 апреля предусмотрено:

„Обязательное постановление снегозадержания по плану“.

Постановление не столь мудрое, сколь запоздалое: снег в этом районе исчез с полей еще в марте месяце.

Очевидно, агроминимум интересует теплостанцев не больше, чем прошлогодний нег.

СУХАЯ БАНЯ

В гор. Нярьян-Мар, за полярным кругом, впервые построили баню. Жители, согретые энтузиазмом и жаркой баней, мылись с остервенением и мылом, но...

...спецы Печорского порта, построив баню поближе к воде, на берегу озера, не учли одной детали — завясов воды. Через 10 дней озера несыкло, и недомытым гражданам пришлось смывать мыло растопленным снегом.

Как видно, воды в озере хватило лишь настолько, чтобы подмочить репутацию строителей.

ГАЛЛЮЦИНАЦИИ ЗАВА

Заведующий базой снабжения треста „Завод-вокзалстрой“ в Москве — человек, который не верит своим глазам. Факт налицо: на днях он приказал всем сторожам представить справки от коменданта о... нелитературности их (сторожей) свободы.

После такого распоряжения сторожа вправе потребовать от завбазой справки амбулатории о нелитературности его здравого смысла.

НЕПОМНЯЩИЙ

— Да откуда же мне знать, товарищи, что было на X съезде. Ведь я в партии только с 28 года!

ТИХИЕ СТАРУШКИ

1948

А Л Н О Г О Л И К

АРХИВ
29 МАЯ 1933
Г. Ц. Н. И. А. Радакова

Я лежал на верхней полке, шурился от противного желтого света вагонного огарка и лениво думал о том, почему так тихо и боязливо шепчутся две старушки, уютно пристроившиеся на нижних скамейках. По временам то одна, то другая опасливо поглядывали на меня и еще больше понижали голос. „Бедные старушки, — думал я, нарочно закрывая глаза, чтобы они приняли меня за спящего, — как, наверное, туговато им в наши суровые, железные дни, как, наверное, страшно им ползать по развороченному быту, цепляясь за кусочки уцелевших традиций, стараясь урвать хоть кусочек тени прошлого, распыленного на их глазах“. И мне даже стало как-то стыдно, что вот они сейчас боятся меня, говорят шопотом и ждут, что вдруг я наклонюсь с верхней полки и смахну их журчливый разговор каким-нибудь окриком, смахну, как окурки со стола. И невольно я стал прислушиваться к их словам.

— А я ему только и сказала, — восторженно шептала левая старушка, маленькими кусочками обглаживая куриную лапку, — я человек тихий, я только помереть хочу и никаких мне удовольствий от детей не надо, а фанерой свою комнату я делить не позволю. Я весь век свой без ихней фанеры жила и желаю к госпо-ду богу без фанеры отойти.

— А он что? Сынок-то ваш? — заинтересованно уставилась на нее правая старушка, вытерев тонкие губы большим носовым платком с синей каемкой.

— Сынок-то? Сынок-то ничего. Выехал. „Я, — говорит, — мамаша, лучше с чужими кошками под лестницей жить буду, чем с вами, единоутробной, без перегородки. Вы, — говорит, — из меня кровь, как мы лимоны, ситро, кушайте“. Это матери-то! „Вы, — говорит, — займы никому не даете, на партийных бросаетесь, беспартийным замечания замечаете, а девушек позорите“.

— Неужто позорите? — радостно спросила правая старушка.

— Позора не нахожу, — солидно заметила левая, — а взгляды высказываю. У меня муж двадцать три года в почтово-телеграфном ведомстве служил, и мои взгляды запретить никто не может. А беспартийных не люблю. У меня беспартийные в 1919 году в феврале месяце корову украли.

— Что же партийных обижаете? — испуганно осведомилась старушка с платком.

— Обижать — не обижая, а любить — не люблю. У меня дочь полупартийная. По собраниям ходила и газеты читала, а как ребенок родился, — выгнала. В ме-

— Какой там чорт меня качает в кресле? Отстань! Пуст-стиль! Не смей меня качать! На помощь! Эй! Вы думаете, если я пьян, — так не смогу и закричать?! Кто там? Трамвай? Кондуктор, не звоните! Вот не сойду — и все! Идите прочь! Ах, это телефон! Простите... Извините! Пожалуйста, звоните хоть всю ночь! Алло, товарищ!.. Не туда попал!.. Простите, — трубки не могу найти! Зайдите завтра!.. Где же вы пропали? Что? Я пойду!.. Да... Лучше мне уйти! Уфф... Сердце... Ноги сделались, как вата... Все кружится... Туман и толкотня... Тсс... тише! Там — жена. Она — не виновата, А я... я негодяй! Вы поняли меня? Да, да! Не смейтесь! Слышите, — не смея-те! Вот я стою — стронтель и отец...

И гражданин!.. Попробуйте, суйте Сказать, что я не дрянь и не подлец! Со службы скоро вычистят за пьянство! И пр-р-авильно! Не запускай дела! „Считать врагом рабочих и крестьянства И упразднить с такового-то числа!“ Вы несогласны? Что же вы молчите? Ведь я — ваш враг! И сам себе — я враг! Я — знаю сам. Ну, смейтесь, хохочите! Мне — сорок девять лет, а я дурак! Как вы сказали? Вам известны средства? Да, да! Я знаю! Только — это зря? Должно быть, очень крупное наследство Я получил от батюшки-царя? Уфф! Вот опять все плавает... Снадите, У вас есть дети? Братья или родня? Тогда вы им портрет мой покажите. И... больше ничего! Вы поняли меня? ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ

белишке — и той отказала: пусть сама заработает. Без закону с мужем жила, а у меня дом священной, у меня Парасковья-мученица в углу, мне ихнего большевистского приплада не надо. Без него жила. без него и к госпо-ду отойду.

Обе старушки перекрестились мелкими крестиками. Левая губами оторвала поджаристую кожицу с куриной лапки, чавкнула и вздохнула. Правая жадно посмотрела ей в рот и благодушно заметила:

— Дети не обременена. От холеры оба ангелочка в девятьсот девятом году померли. Жизнь у меня легкая, только соседи обижают. Пить, сволочи, не пьют, скандалят — не скандалят, а покоя от их нет.

— Комиссары, поди?

— Хуже. Который слева, книжки пишет, а справа — счетовод по ремеслу. И такую, голубушка, уже второй год тишину развели, что хоть в милицию жалуйся. В коридор страшно выйти. Ни тебе слова не с кем сказать, ни тебе в чью комнату зайти, ни тебе что другое сделать... Я уж и добром пробовала: и помойное ведро к вешалке ставила, и куренка жижого в кухню пускала, и крант водопроводный открывала, — ни тебе приветов ни тебе ответа: молчат и молчат. Старого человека каждый обидеть рад.

— Это, конечно, — согласилась собеседница, искоса посмотрев на меня. — Народец пошел теперь мерси-спасибо. Подлый народ. Им бы церкви ломать да в трамваях пихать-ся...

— Господа на них нет, — сердито захлебнулась правая старушка, — плюнул на них милостивый полным ротом... А вот ежели он сжалится над нами да возьмется за них...

— Ох уж и будет тогда, ох уж и будет! — сладко замерла левая, чмокнув губами. — Уж и отольются им наши тихие слезыньки...

Обе старушки снова закрестились мелкими крестиками и еще раз опасливо посмотрели на меня. Я кашлянул и стал слезать с полки. Левая старушка быстро заглодала куриную лапку, правая умиленно поджала губы и жеманно произнесла:

— А мы тут про свои старушечьи дела разболтались... Не помешали?

Мне стало страшно.

Я вышел в коридор, отогнул выдвигающую скамеечку, сел и заснул на ней. Ночью мне снились серые облезлые, старые мыши, и было очень противно.

Вплоть до утра мне снились тихие, маленькие старушки. Они беззвучно смеялись и грозили кому-то сухими тонкими пальцами. И от их бледных губ и костистых пальцев было противно и уныло.

АРК. БУХОВ

Рисунки М. Храповского

ШИРОКАЯ НАТУРА

Текст Н. Грамотина ГРАМОТНЫЙ

Ответственный редактор М. МАНУЛЬСКИЙ ● Редакция: Я. БЕЛЬСКИЙ, С. ДОРОФЕЕВ, М. МАНУЛЬСКИЙ, Л. МИТНИЦКИЙ Заведующий редакцией И. АБРАМСКИЙ
Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 8. Тел. 3-70-16. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.—90 к. в м. ● Подписка принимается только почтой ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“
Москва. Изд. № 462. Сдача текста и рисунков—10/V. Подпись к печати—17/V. Статформат А9—220X. Печатных листов 2. Количество знаков в 1 печ. листе 120.000
Уполномоченный Главлита № В — 45196 2-я типогр. изд-ва ЦК ВКП(б) „Правда“, Москва, Суцеский вал, 49. Зак. № 956. Тираж 210.000

— Социализм можно построить в одной стране, это-то я знаю! А вот что такое социализм?..

— Особенно противно это копание в мелочах. Дождалась все-таки, что я служил в белой армии.